

Пономаренко Татьяна Олеговна

РЕФЛЕКСЫ ЙОТОВЫХ ПАЛАТАЛИЗАЦИЙ И ПАЛАТАЛИЗАЦИЙ КОНСОНАНТНЫХ СОЧЕТАНИЙ В ЖИТИИ НИФОНТА 1222 Г.

В статье исследуются рефлексы йотовой палатализации и палатализации консонантных сочетаний в одном из древнейших ростовских памятников - Житии Нифонта 1222 г. (РГБ, Тр. 35). Сопоставление представленных в рукописи старославянских и древнерусских языковых особенностей помогает в воссоздании целостной картины развития древнерусского языка.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2008/2/32.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2008. № 2 (2). С. 89-91. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2008/2/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

РЕФЛЕКСЫ ЙОТОВЫХ ПАЛАТАЛИЗАЦИЙ И ПАЛАТАЛИЗАЦИЙ КОНСОНАНТНЫХ СОЧЕТАНИЙ В ЖИТИИ НИФОНТА 1222 г.

Пономаренко Т. О.

Казанский государственный университет им. В. И. Ульянова-Ленина

Статья рекомендована к публикации д.ф.н., проф. Жолобовым О. Ф. и к.ф.н. Меречиной С. И.

В статье исследуются рефлексы йотовой палатализации и палатализации консонантных сочетаний в одном из древнейших ростовских памятников - Житии Нифонта 1222 г. (РГБ, Тр. 35). Сопоставление представленных в рукописи старославянских и древнерусских языковых особенностей помогает в воссоздании целостной картины развития древнерусского языка.

Данная статья посвящена исследованию старославянских и древнерусских рефлексов йотовой палатализации и палатализации консонантных сочетаний в одном из наиболее известных памятников древнерусского языка - Житии Нифонта Константинопольского (1222 г.) - переведенного с греческого жития, широко известного в древнерусских списках. Житие Нифонта - это едва ли не древнейший памятник ростовского, северо-восточного происхождения [Потапов 1928: 1-15]. Исследование было проведено по созданному в Ростове списку 1222 г (РГБ, Тр. 35).

Актуальность исследования обусловлена той исключительной ролью, которую сыграл период создания этого списка - XIII в. - в развитии русского языка. Житие Нифонта, таким образом, представляет особый интерес в плане сопоставления старославянских и древнерусских языковых особенностей, помогающего воссоздать целостную картину бытования и развития древнерусского языка.

В первую очередь вызывают интерес представленные в рукописи рефлекс сочетаний смычных зубных с *j* - *dj, *tj. Как известно, сочетания *dj и *tj в старославянском языке преобразовывались соответственно в *ž'd'* и *š't'*, а в диалектах будущих восточных славян - в *ž'* и *š'* [Селищев 1951, I: 208-209].

Слов, содержащих старославянский рефлекс (жд), в рукописи не обнаружено. Как известно, в звуковой системе восточных славян сочетание жд (*ž'd'*) отсутствовало, чем и была вызвана его замена на ж уже в ранних рукописях: «Звуковой системе русских живых говоров XI в. сочетание *žd* не было свойственно: *ž*, как и другие шипящие, могло стоять только перед гласными и палатальными согласными: между тем *d* в этом сочетании в книжном произношении русских людей не было палатальным [Дурново 2000: 651].

В тексте Жития как памятнике XIII в. отмечается упорядоченное написание с ж: дароѡа | ми расоуженїи | е помыслоу | нго (279/27), подажа | мнѣ бѣгдѣтъ (350/2), и покѣж ми (357/1), кнжа се | кѣшнии члоуѣкъ | ебѣтило келинѣ (279/32), оугажахъ | боу (290/2), стражущаа дроугъ по дроузи (369/6), оузраше пра | едданикъ | покѣженнъ нечїстѣи дѣхъ (257/27), не шсоужанїи | коже (258/30) и т.д.

Отличие от старославянского рефлекса *dj (жд), утрата которого четко отражена в рукописи, рефлекс *tj (щ) последовательно сохраняется. Это обусловлено тем, что написание с щ не противоречило фонетической системе древнерусского языка: «Произношение старославянского щ как *šč* находило себе поддержку в русском живом произношении *šč* в соответствии со ст.-сл. щ из *stj, *skj» [Дурново 1969: 37]. Вследствие того, что вариант с щ, в отличие от восточнославянского варианта написания с ч, осознавался писцами как книжный, щ на месте *tj не воспринималось как нечто инородное. Все это обусловило устойчивое старославянское написание щ на месте *tj: кидѣ мѣсто келинѣ | и прокѣшено (371/6), ѡ поклонїи нго | и кѣзѣращенїи (276/33), не моши нмоу ходити (368/2), кде ти хошетѣ обитѣла вѣти кѣ дна соуднїи (310/31), ѡбѣщѣ | е бѣжнїи рѣ | дѣхъ стѣи кѣзѣщакѣтъ (255/20) и т.д.

Таким образом, в написании огласовок рефлексов *dj и *tj в тексте Жития мы обнаруживаем следующую закономерность: рефлекс *dj представлен восточнославянским написанием с ж, рефлекс *tj - старославянским написанием с щ.

При отражении рефлексов *stj, *skj, *sk перед гласными переднего ряда древнерусские книжники сталкивались с различием в произношении звуков (*š't's'* (*šč'*) в русском живом произношении, *š't'* в старославянском). Однако в графической передаче этих звуков противоречие отсутствовало, так как графема щ могла обозначать оба этих звука: в кириллице ее начертание выводится как из лигатуры щ + т, так и из ш + ч, в глаголице только из ш + ч [Дурново 1969: 37].

Рефлексы указанных сочетаний передаются в Житии одинаково с помощью графемы щ: поущѣше (371/21), испѣщакѣтъ (375/26), ѡчищаа (288/1), прѣщениа | еи (289/1), щедротѣи (374/1), ѡпоущѣтъ (296/10), оупоущѣше (252/28), пѣщакѣтъ (287/15), ѡчищаа (287/31), щитѣ (333/6), прощениа (285/26), ищѣтъ (285/23) и т.д.

Что же касается отражения рефлексов *zdj, *zgj, *zg перед гласными переднего ряда, то здесь имелось противоречие. Дело в том, что в болгарском алфавите не было средств для передачи звука *dž', а сочетание жд не было характерно для древнерусской фонетики. Именно поэтому за условным для древнерусского языка жд стояло иное произношение (а именно - *ž'd'ž').

В Житии Нифонта представлены два варианта написания соответствующих рефлексов:

1) традиционное старославянское написание с жд: $\bar{\text{W}} \text{ | } \text{к\text{л}е\text{к}е\text{т}\text{ж}} \text{ и } \bar{\text{W}} \text{ | } \text{гн\text{к}ва \text{ р\text{а}}\text{ж\text{д}}\text{из\text{а}\text{к}\text{т}\text{а}\text{с\text{а}} \text{ х\text{о}\text{у}\text{л\text{а}}$ (294/26), $\text{с\text{л}\text{ж}\text{ш}\text{а}^{\text{к}} \text{ ж\text{е}} \text{ с\text{е}} \text{ р\text{а}\text{к}\text{ж}} \text{ | } \bar{\text{B}} \text{нн и р\text{а}\text{ж\text{д}}\text{н}\text{|}\text{з\text{а}\text{ш}\text{е}\text{с\text{а}} \text{ г\text{л}\text{а}}$ (263/31), и $\text{н\text{а}\text{л}\text{ч}\text{а}\text{т}\text{ь}\text{к}\text{ж}} \text{ с\text{т}\text{р}\text{а} \text{ | } \text{м\text{ж}}$ и $\text{р\text{а}\text{ж\text{д}}\text{д}\text{ж}\text{е}\text{н}\text{н}\text{ю} \text{ п\text{л}\text{ь}\text{т}\text{ь}}$ (321/3), и $\text{в\text{ж}} \text{ с\text{о}\text{у}\text{ш}\text{а}} \text{ к\text{е}\text{л}\text{н}\text{а}} \text{ к\text{ж}} \text{ | } \text{м\text{и}\text{р}\text{ѣ}}$. $\text{в\text{е}\text{з}\text{д}\text{ь}\text{ж}\text{д}\text{н}\text{е}} \text{ г\text{р}\text{а}\text{д}\text{о}\text{у} \text{ т\text{о}\text{м}\text{о}\text{у}}$ (300/14), $\text{м\text{н}\text{о}\text{з}\text{ѣ}} \text{ ж\text{е}} \text{ н\text{д}\text{ь}\text{ш}\text{ю}} \text{ д\text{ь}\text{ж}\text{д}\text{ю}}$ (301/3), и т.д.

2) написание с ж, отражавшее реальное древнерусское произношение: $\text{сн} \text{ | } \text{г\text{л}\text{а}} \text{ к\text{ь}\text{ж}\text{и}\text{з}\text{а}\text{л}\text{х}\text{ь}\text{с\text{а}}$ (270/11), $\text{к\text{р}\text{а}\text{ж}\text{д}\text{о}\text{у}} \text{ р\text{а}\text{ж}\text{д}\text{ж}\text{е}\text{н}\text{н}\text{е}}$ и $\text{п\text{о}\text{х}\text{о}\text{т}\text{ь}}$ (271/31), $\text{с\text{ж}} \text{ к\text{е}\text{л}\text{н}\text{ь}\text{к}\text{а}\text{м}\text{ь}} \text{ р\text{а}\text{ж}\text{д}\text{ж}\text{е}\text{н}\text{н}\text{е}\text{к}\text{а}\text{м}\text{ь}}$ $\text{р\text{а}\text{сп}\text{а}\text{л}\text{а}\text{н}\text{ь}}$ $\text{к}\text{ю}\text{г}\text{о}$ (256/24), $\text{к}\text{ѣ}\text{л}\text{л}\text{н}\text{н}\text{и}} \text{ ж\text{е}}$ $\text{р\text{а}\text{ж}\text{н}\text{|}\text{з\text{а}\text{к}\text{м}\text{ж}}$ $\bar{\text{W}}$ $\text{ж\text{а}\text{|}\text{ж\text{а}}$ (257/6) и т.д. По-видимому, здесь следует видеть инновацию, которой трудно дать однозначное объяснение, поскольку в рукописи представлено ограниченное количество примеров написания данного рефлекса с ж. Вероятно, данное написание отражает начало подкрепленного аналогией с формами типа $\text{с\text{ж}}+\text{ж\text{д}\text{ж}\text{е}\text{н}\text{н}\text{е}}$ процесса образования долгого мягкого шипящего в результате утраты смычного в сочетании $*\text{z}^{\text{h}}\text{d}^{\text{h}}$.

В целом в рукописи весьма четко прослеживается вариативность написаний с жд и ж: $\text{р\text{а}\text{ж}\text{д}\text{ж}\text{е}\text{н}\text{н}\text{е}\text{к}\text{а}\text{м}\text{ь}}$ (256/24) - $\text{р\text{а}\text{ж}\text{д}\text{д}\text{ж}\text{е}\text{н}\text{н}\text{ю}}$ (321/13), $\text{р\text{а}\text{ж}\text{н}\text{|}\text{з\text{а}\text{к}\text{м}\text{ж}}$ (257/6) - $\text{р\text{а}\text{ж}\text{д}\text{из\text{а}\text{к}\text{т}\text{а}\text{с\text{а}}$ (294/26) и т.д.

Для рукописи характерны известные и старославянским рукописям написания, отражающие рефлекс $*\text{-s-}$ перед гласным перед ряда (-s- - приставочный, а -k- - корневой) на стыке приставки и корня: $\text{н-щ}\text{н}\text{т}\text{а}\text{|}\text{нн}$ (258/16), $\text{н-щ}\text{е}\text{з}\text{е}$ (334/29), $\text{в\text{е-щ}\text{н}\text{|}\text{с\text{л}\text{а}\text{н}\text{а}}$ (303/32), $\text{в\text{е-щ}\text{н}\text{|}\text{с\text{л}\text{а}\text{н}\text{н}}$ (375/17), $\text{в\text{е-щ}\text{н}\text{|}\text{с\text{л}\text{а}\text{н}\text{н}\text{о}}$ (315/33); а также на стыке предлога и слова: $\text{н-щ}\text{р}\text{е}\text{к}\text{а}$ (302/22), $\text{н-щ}\text{а}\text{п}\text{а}\text{г}\text{а}$ (344/1). Написаний с восстановленным обликом предлога и приставки в рукописи не отмечено.

Результат взаимодействия $*\text{kt}$, $*\text{gt}$ с гласными переднего ряда в рукописи представлен в виде написаний с щ (восточнославянских форм с ч в рукописи не обнаружено):

1) $*\text{kt}^{\text{h}}$: $\text{к\text{ь}\text{к}\text{д}\text{р}\text{ж}\text{е}\text{н}\text{а}} \text{ к\text{ш}\text{|}\text{тн}} \text{ к\text{ж}}$ $\text{п\text{е}\text{щ}\text{а}}$ $\text{о}\text{г}\text{н}\text{а}\text{|}\text{н\text{о}\text{у}}$ (311/1), $\text{р\text{е}\text{щн}}$ (254/1), $\text{н\text{а}}$ $\text{п\text{о}\text{л}\text{о}\text{у}\text{н}\text{о}\text{щ}\text{н}\text{|}\text{н}\text{н}\text{ю}}$ (254/37), $\text{ч\text{а}\text{с}\text{ж}}$ $\text{д}\text{н}\text{е}\text{к}\text{ь}\text{|}\text{н}\text{н}\text{а}$ и $\text{н\text{о}\text{щ}\text{н}\text{|}\text{н}\text{а}}$ (262/23), $\text{п\text{ь}\text{р}\text{к}\text{ж}\text{н}}$ $\text{ч\text{а}^{\text{c}} \text{н\text{о}\text{щн}}$ (273/20);

2) $*\text{gt}^{\text{h}}$: $\text{р\text{о}\text{у}\text{г}\text{а}\text{|}\text{с\text{а}}$ $\text{н\text{е}\text{м}\text{о}\text{щн}}$ (257/29), $\text{п\text{о}\text{м}\text{о}\text{щ}\text{н}\text{|}\text{н}\text{к}\text{а}}$ $\text{т}\text{н}\text{х}\text{а}$ и $\text{м}\text{н}\text{р}\text{ь}\text{н}\text{а}$ (290/2), $\text{п\text{о}\text{м}\text{о}\text{щ}\text{н}\text{|}\text{к}\text{ж}}$ (306/18), $\text{а}\text{|}\text{з\text{ж}}$ $\text{к}\text{о}$ $\text{н\text{е}\text{м}\text{о}\text{щ}\text{е}\text{|}\text{н}\text{ж}}$ (291/26), $\text{н\text{е}}$ $\text{м\text{о}\text{щн}}$ $\text{к}\text{е}\text{м}\text{о}\text{у}$ $\text{х\text{о}\text{д}\text{н}\text{|}\text{тн}}$ (368/2).

Сочетания губных согласных с $*\text{j}$ преобразовывались, как известно, в сочетания губных с палатальным [l'] («l-epentheticum»): $*\text{mj} > \text{ml}'$, $*\text{vj} > \text{vl}'$, $*\text{bj} > \text{bl}'$, $*\text{pj} > \text{pl}'$. Начальные сочетания с палатальным [l'] последовательно сохранялись во всех диалектах. Сохранение сочетаний bl' , pl' в начальном слоге обусловлено фонетикой начала слова. В этой позиции слог в своей первой части представляет наибольшую высоту шума, благоприятствующую удержанию палатальной артикуляции bl' , pl' . Однако на стыке основы и флексии [l'], сохранившись в восточнославянских и в части южнославянских диалектов, был утрачен в западнославянских и в отдельных южнославянских диалектах [Селищев 1951, I: 319].

В исследуемой рукописи на стыке основы и флексии «l-epentheticum» последовательно сохраняется, что подтверждается многочисленными примерами: $\text{к\text{о}\text{р}\text{а}\text{к}\text{л}\text{а}\text{|}\text{н}\text{н}\text{к}\text{ж}}$ (331/1), $\text{о}\text{с}\text{т}\text{а}\text{|}\text{к}\text{л}\text{е}\text{н}\text{н}\text{е}}$ (325/23), $\text{п\text{о}\text{д}\text{ж}\text{н}\text{|}\text{м}\text{л}\text{е}\text{т}\text{ь}}$ (355/8), $\text{с\text{ж}\text{|}\text{к}\text{л}\text{а}\text{б}\text{л}\text{ь}\text{ш}\text{е}\text{с\text{а}}$ (309/5), $\text{к\text{р}\text{ѣ}\text{п}\text{л}\text{а}\text{х}\text{ь}\text{с\text{а}}$ (317/14), $\text{к\text{ж}\text{н}\text{|}\text{м}\text{л}\text{ѣ}\text{т}\text{е}}$ (317/26), $\text{к\text{ь}\text{с}\text{ь}\text{к}\text{р}\text{ь}\text{|}\text{м}\text{л}\text{ь}\text{ш}\text{а}\text{н}}$ (324/12), $\text{о}\text{у}\text{п\text{о}\text{д}\text{о}\text{б}\text{л}\text{ь}\text{ш}\text{е}\text{с\text{а}}$ (257/21), нн $\bar{\text{W}}$ $\text{с}\text{т}\text{о}\text{у}\text{п}\text{л}\text{ю}$ (264/19), $\text{к\text{л}\text{г}\text{о}\text{с}\text{л}\text{о}\text{к}\text{л}\text{е}\text{н}\text{н}\text{е}}$ (308/17) и т.д.

Однако в рукописи встречаются и исключения (сочетания без l'). Так, в словах типа $\text{о}\text{у}\text{м}\text{е}\text{р}\text{щ}\text{к}\text{е}\text{н}\text{ж}$ утрата l' произошла в результате скопления согласных -rštvl't- [Селищев 1951, I: 317]: $\text{м\text{ю}\text{р}\text{н}\text{н}\text{и}} \text{ о}\text{у}\text{м}\text{ь}\text{р}\text{ь}\text{щ}\text{к}\text{е}\text{н}\text{н}\text{е}}$ $\text{к}\text{о}\text{у}\text{д}\text{о}\text{у}\text{т}\text{ь}$ (259/22). Утрата l', характерная для старославянского языка, не была свойственна восточным славянам, поэтому здесь можно говорить о древнеболгарском упрощении.

В рукописи также спорадически представлены примеры написания без l' глагольных форм и страдательных причастий прошедшего времени, образованных от глаголов с инфинитивной основой на -i, с предшествующим губным согласным. Так, мы обнаруживаем: $\text{к\text{л}\text{г}\text{о}\text{с}\text{л}\text{о}\text{к}\text{л}\text{е}\text{н}\text{н}\text{е}}$ (308/17), но: $\text{к\text{л}\text{г}\text{о}\text{с}\text{л}\text{о}\text{к}\text{е}\text{н}\text{ж}}$ (335/30). В данном случае написание без l' имеет не фонетическое, а морфологическое происхождение. Считается, что это отражение новообразования, позднее отразившегося в морфологической системе всех болгарских говоров на всех глаголах с инфинитивной основой на -i: «Перед суффиксом -en стала применяться глагольная основа с тем согласным, какой был и в других формах» [Москалева 2006: 114].

В рукописи сохраняются старославянские рефлексы сочетаний $*\text{tr}$ и $*\text{str}$ с j (в старославянском языке имеет место йотовая палатализация всего сочетания, а не только ближайшего согласного, как у восточных славян): $\text{н\text{е}\text{п}\text{о}\text{т}\text{р}\text{ѣ}\text{к}\text{н}\text{ь}\text{ж}}$ $\text{к}\text{ѣ}\text{с}\text{о}\text{б}\text{ь}$ $\text{о}\text{у}\text{х}\text{ь}\text{щ}\text{р}\text{е}\text{н}\text{н}\text{е}}$ (351/30), $\text{н\text{а}\text{к}\text{o}} \text{ | } \text{о}\text{у}\text{х}\text{ь}\text{щ}\text{р}\text{е}\text{н}\text{н}\text{е}\text{к}\text{а}\text{м}\text{ь}$ и $\text{р\text{а}\text{с}\text{о}\text{у}\text{ж}\text{е}\text{н}\text{н}\text{е}\text{к}\text{а}\text{м}\text{ь}}$ $\text{о}\text{у}\text{к}\text{а}\text{р}\text{а}\text{л}\text{ь}\text{шн}}$ $\text{н}\text{ж}$ (334/25), $\text{д\text{а}}$ $\text{с\text{ж}\text{м}\text{а}\text{щ}\text{р}\text{а}\text{н}}$ $\text{о}\text{у}\text{к}\text{o}$ $\text{н\text{а}\text{к}\text{o}}$ $\text{з\text{е}\text{м}\text{ь}\text{|}\text{л\text{а}}$ $\text{к\text{е}\text{н}}$ (280/13), и $\text{с\text{ж}\text{м}\text{а}\text{щ}\text{р}\text{а}\text{н}}$ $\text{к}\text{ѣ}\text{к}\text{o}$ $\text{к}\text{л}\text{о}\text{у}\text{д}\text{н}\text{н}\text{к}\text{ж}$ $\text{к}\text{е}\text{н}$ (280/14), $\text{р\text{а}\text{с}\text{м}\text{а}\text{щ}\text{р}\text{а}\text{тн}}$ $\text{с}\text{к}\text{o}\text{н}$ $\text{к}\text{ѣ}\text{к}\text{o}$ $\text{м}\text{ж}\text{сн}$ (283/12), $\text{р\text{а}\text{с}\text{м}\text{а}\text{щ}\text{р}\text{а}\text{щ}\text{е}}$ $\text{п\text{о}\text{м}\text{ж}\text{с\text{л}\text{ж}}$ $\text{к}\text{ѣ}\text{к}\text{o}\text{н}$ (295/30), $\text{р\text{а}\text{с}\text{ж}\text{|}\text{м}\text{а}\text{щ}\text{р}\text{а}\text{ш}\text{е}}$ $\text{к\text{о}\text{л}\text{г}\text{о}\text{ж}\text{д}\text{o}}$ $\text{н}\text{ж}$ (296/32), $\text{з\text{ѣ}\text{к}\text{o}}$ $\text{о}\text{у}\text{п}\text{а}\text{щ}\text{а}\text{|}\text{р}\text{е}\text{н}\text{а}$ $\text{к}\text{а}\text{м}\text{ь}\text{|}\text{н}\text{н}\text{е}\text{к}\text{а}\text{м}\text{ь}$ (370/24) и т.д.

Таким образом, на материале Жития интересно проследить отбор языковых средств. В отношении рефлексов сочетаний $*\text{tj}$, $*\text{kt}$, $*\text{gt}$ + i последовательно выдерживается старославянская традиция. В отношении $*\text{dj}$ выдерживается древнерусский рефлекс. Отступления немногочисленны.

Распределение старославянских и древнерусских рефлексов в тексте исследуемой рукописи позволяет сделать вывод, что наличие вариантов не обусловлено стилистическими причинами, так как содержащие их контексты стилистически вполне однородны. При этом необходимо отметить, что для эпохи, к которой принадлежит исследуемая рукопись, вариативность является нормой [Живов 2006].

В целом следует отметить, что старославянские рефлексy исследуемых сочетаний в рукописи все же преобладают, что во многом объясняется книжным характером памятника, поскольку исследуемый нами список был сделан на Руси со среднеболгарской рукописи. Однако необходимо учитывать, что XII-XIII вв. с их бурными языковыми процессами характеризовались значительным отставанием правописания от произношения (это особенно ярко отразилось в церковно-книжных памятниках). Выявленные в тексте Жития инновации служат весомым подтверждением этого факта.

Список использованной литературы

1. Дурново, Н. Н. Введение в историю русского языка [Текст] / Н. Н. Дурново. - М.: Наука, 1969. - 294 с.
2. Дурново, Н. Н. Славянское правописание X-XII вв. [Текст] / Н. Н. Дурново // Избранные труды по истории русского языка. - М.: Языки славянской культуры, 2000. - С. 651-652.
3. Живов, В. М. Восточнославянское правописание XI-XIII века [Текст] / В. М. Живов. - М.: Языки славянской культуры, 2006. - 312 с.
4. Москалева, Л. А. Графико-орфографические и фонетические особенности Паренесиса Ефрема Сирина по рукописи РНБ, Погод. 71а ок. 1289 г. [Текст]: Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Л. А. Москалева. - Казань, 2006. - 280 с.
5. Потапов, П. О. Де-кілька слів про значіння текстів Життя Нифонта [Текст] / П. О. Потапов // Житие Нифонта Константинопольского: Матер. з ист. візант.-слов'ян. літ. та мови / Підг. А. В. Ристенко. - Одесса: ODESSA, 1928. - С. 1-15.
6. Селищев, А. М. Введение. Фонетика [Текст] / А. М. Селищев. - М., 1951. - 334 с.
7. Срезневский, И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. Репринтное издание 1989 г. [Текст]: В 3 т. / И. И. Срезневский. - М., 2003. - Т. 3. - 578 с.

КРАСНА ИЗБА НЕ УГЛАМИ, А ПИРОГАМИ ... (СЕМАНТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РУССКИХ НОМИНАЦИЙ «ПЕЧКИ» ПРИ СОПОСТАВЛЕНИИ С АНАЛОГИЧНЫМИ НОМИНАЦИЯМИ В ДРУГИХ ЕВРОПЕЙСКИХ ЯЗЫКАХ)

Попова Л. Г.

Мичуринский государственный аграрный университет

Статья рекомендована к публикации к.ф.н. Кузнецовой С. В. и к.ф.н. Поповой Н. В.

В статье представлены результаты сопоставительного анализа семантики русских слов «печка», «плита» и аналогичных наименований в славянских, немецком, французском и венгерском языках с целью установления универсальных и специфических черт значений этих слов.

Зачастую в своей речи мы используем слова, знакомые нам с детства. А всегда ли мы задумываемся над тем, а почему эти предметы так называются, а не иначе. Понять семантику русских слов поможет сопоставительный анализ семантики аналогичных наименований родственных и не родственных языков. К разряду таких языков можно предложить близкие родственные русскому языку славянские языки и дальние родственные языки - немецкий и французский. А из не родственных языков можно выбрать венгерский язык.

А начнем мы с ... Печки.

Какая изба на Руси была без печки. Без нее никак нельзя. Даже в самой бедной избе все же обязательно топили, даже по-черному.

Итак, печка. Что это такое?

Это слово имело следующее обозначение. Каменное или металлическое сооружение, накаливаемое за счет сжигания дров или иного горючего вещества и служащее, прежде всего, для нагревания помещения или для обработки каких-нибудь материалов. На Руси печка использовалась для варки пищи и выпечки хлебов. В разговорной речи это печка, а литературный вариант - печь.

Рассмотрим этимологию этого русского слова.

Оно встречается в таких славянских языках, как: украинский - піч, белорусский - печ, древнерусский печь, старославянский - ПЕШТЬ, болгарский - пещ, сербохорватский - пећ, словенский - рещ, чешский, словацкий - pes, польский - piec, верхнелужицкий - рјес, нижнелужицкий - рјас. Праславянской основой этого слова является рещь, оно родственно древнеиндийскому *raçis* - варка, вареное кушанье, греческому *πεψις* - варка, жарение.

А теперь проанализируем семантику аналогичных наименований печки в родственных языках.

В немецком языке - *der Ofen*, русская печка - *russischer Backofen*, электрическая печка - *elektrischer Ofen*, бытовая печь - *die Kleinkueche*.

Этимология немецкого слова *der Ofen* такова. Это общегерманское слово. Сравним: средневерхненемецкий - *oven*, древневерхненемецкий - *ovan*, готский - *auhus*, английский - *oven*, шведский - *ugn*. Само слово восходит к индоевропейской основе - *duk[h]* - горшок, кастрюля для приготовления пищи, сковорода. Сравним с древнеиндийским *ukha-h* - горшок, кастрюля, очаг, с греческим *ipnos* - печь, кухня, фонарь. Наше анализируемое слово первоначально обозначало сооружение не для обогрева помещения, а для готовки пищи.

Во французском языке есть два эквивалента для русской печки:

Poêle (m),

Four (m).